

RU

Аналитические формы выражения эвиденциальных значений в системе ингушского глагола

Хадзиева М. М.

Аннотация. Цель исследования – уточнение в системе глагола ингушского языка аналитических форм, выражающих эвиденциальные значения, и интерпретация этих значений. В статье рассмотрена эвиденциальность как универсальная грамматическая категория и способы ее реализации в ингушском языке. Основное внимание уделено грамматическим средствам актуализации эвиденциальных значений, а именно аналитическим формам ингушского глагола. В ходе исследования были выявлены аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта, выражающие значения засвидетельствованности и заглазости действий и передающие прямую и косвенную эвиденциальность. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на материале ингушского языка, художественных и фольклорных текстов изучено функционирование аналитических глагольных форм со значениями эвиденциальности. В результате исследования установлено, что в ингушском языке существуют грамматические способы выражения эвиденциальных значений, которые актуализируются аналитическими формами глагола. Реализация значений засвидетельствованности и заглазости действия зависит от вспомогательного глагола и его временной формы; очевидность действия, соответственно прямая (непосредственная) информация, передается аналитической формой перфекта со вспомогательными глаголами «да», «далла», «латта»; заглазность действия, то есть косвенная (опосредованная) эвиденциальность, реализуется аналитическим плюсквамперфектом со вспомогательными глаголами «далла», «латта» и «хила», а также аналитическим перфектом с глаголом «хила».

EN

Analytic forms expressing evidential meanings in the Ingush verb system

M. M. Khadzieva

Abstract. The research aims to clarify the analytic forms expressing evidential meanings in the Ingush verb system and interpret these meanings. The paper examines evidentiality as a universal grammatical category and the ways it is implemented in the Ingush language. The main focus is on the grammatical means of actualizing evidential meanings, namely, the analytic forms of the Ingush verb. The work identified analytic forms of the perfect and pluperfect tenses expressing meanings of witnessed and hearsay actions, conveying direct and indirect evidentiality. The scientific novelty of the research lies in the fact that it explores the functioning of analytic verb forms with evidential meanings based on the material of the Ingush language, literary and folklore texts. As a result, it was found that in the Ingush language, there are grammatical ways of expressing evidential meanings, which are actualized by analytic forms of the verb. The realization of meanings of witnessed and hearsay actions depends on the auxiliary verb and its tense form. Direct (immediate) information is transmitted by the analytic perfect form with the auxiliary verbs 'да', 'далла', 'латта', while hearsay actions, i.e., indirect (mediated) evidentiality, are realized by the analytic pluperfect with the auxiliary verbs 'далла', 'латта' and 'хила', as well as by the analytic perfect with the verb 'хила'.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что глагол ингушского языка как самая сложная, поликатегориальная часть речи, обладающая способностью выражать широкую палитру разнообразных значений, остается не до конца изученным. Относится это прежде всего к аналитическим формам системы ингушского глагола, которые реализуют темпоральные, модальные, аспектуальные, эвиденциальные и другие значения. Эвиденциальность является одной из самых малоизученных категорий глагольной части речи ингушского языка. Предлагаемое исследование позволит обратить внимание на данный аспект и вызвать интерес к более детальному изучению аналитических форм ингушского глагола, реализующих эвиденциальные значения, и систематизировать парадигмы этих форм.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть понятие «эвиденциальность» для конкретизации эвиденциальных значений, выражаемых аналитическим способом;
- определить аналитические формы ингушского глагола, отвечающие за грамматическую реализацию эвиденциального признака засвидетельствованности действия (прямой эвиденциальности);
- выявить аналитические формы в системе глагола ингушского языка, содержащие признаки заглазости действия (косвенной эвиденциальности).

Материалом для исследования послужили примеры, отобранные методом сплошной выборки из следующих источников:

- Кодзоев И. А. «Нынче зама такая...» (дувцарий, ийлай, нигатий гуллам). Ростов н/Д: Лаки Пак, 2016.
- Мудрые наставления наших предков. Из ингушского фольклора / сост. И. А. Дахкильгов. Нальчик: Эль-Фа, 2000.
- Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало».

Теоретическую базу исследования составили труды Н. М. Барахоевой (2011; 2016), посвященные грамматическим формам и категориям глагола ингушского языка; учебное пособие В. А. Плунгяна (2003) в части рассмотрения глагольных категорий; статья Р. О. Якобсона (1972) о глагольной части речи; статья С. Ферхеес (2018), посвященная категории эвиденциальности в нахско-дагестанских языках; первая грамматика ингушского языка З. К. Мальсагова (1963); статья Д. В. Козловского (2018), посвященная типам и видам эвиденциальности в языке. Кроме того, мы опирались на работы Т. В. Жеребило (2010), К. Т. Чрелашвили (2007), Р. И. Долаковой (1961), А. У. Aikhenvald (2004) и Т. Willett (1988).

Для проведения исследования были использованы: метод анализа научной литературы, который позволил систематизировать теоретический материал и выбрать теоретические положения для дальнейшего развития, метод компонентного анализа отобранных примеров, благодаря которому удалось установить закономерности выражения различных эвиденциальных значений аналитическим способом, метод описания полученных результатов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для дальнейшего изучения аналитических форм глагольной части речи ингушского языка и выражаемых ими значений. Материал предлагаемой статьи может быть применен в разработке учебно-методических пособий по грамматике нахских языков, а также в процессе преподавания и изучения ингушского языка всеми, кто интересуется этим языком на профессиональном и любительском уровне.

Обсуждение и результаты

В последнее время в лингвистической науке все чаще стали обращаться к изучению языковых элементов, указывающих на источник информации, поскольку разным языковым системам свойственно отсутствие либо наличие определенного корпуса маркеров, содержащих отсылку на способ получения сведений. Речь идет о средствах, выражающих так называемые эвиденциальные значения.

Считается, что понятие *эвиденциальность* (англ. *evidentiality* – доказательность, засвидетельствованность; *evidence* – очевидность, доказательство) в лингвистическом дискурсе впервые использовал Ф. Боас в начале прошлого века, описывая индейские языки (Плунгян, 2003, с. 321-322), но в широкий научный оборот его ввел Р. О. Якобсон применительно к болгарскому языку. Термином «засвидетельствованность» (*evidential*) Якобсон предлагает «называть глагольную категорию, учитывающую... источник сведений о сообщаемом факте» (1972, с. 101). В спряжении болгарского глагола он противопоставляет две семантические формы: «прямое повествование», когда коммуникант рассказывает о ситуации из собственного опыта, и «косвенное повествование», то есть цитативное, когда говорящий сообщает о событии, основываясь на информации другого лица. Это грамматическое явление ученый иллюстрирует примером *заминала 'говорят, что отплыла'* и *замина 'я свидетель, что отплыла'* (Якобсон, 1972, с. 101), где деривационный элемент *-ла* в первой глагольной форме является маркером цитативности.

Согласно В. А. Плунгяну, эвиденциальность следует считать не «экзотической» категорией, а «элементом универсального грамматического набора» (2003, с. 321), то есть языковой универсалией, которую нужно рассматривать в плоскости модальных категорий, но не приравнивая к ним. Такой же точки зрения придерживается и Н. М. Барахоева, отмечая, что «по своему содержанию, а именно по выражению отношения высказывания к действительности, эвиденциальность сближается с категорией модальности» (2016, с. 67).

Итак, эвиденциальность – это эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемого им факта (Жеребило, 2010, с. 460) или выражение указания на источник информации (Барахоева, 2016, с. 67). Некоторые исследователи склонны относить эту категорию также и к области философии, считая эвиденциальность «умозаключением, обладающим некоторой степенью истинности» (Willett, 1988, p. 57).

Высказывание обретает эвиденциальное значение, когда субъект коммуникации наделяет его информацией о том, видел ли он ситуацию собственными глазами или знаком с ней с подачи других лиц (Ферхеес, 2018, с. 111). Каждый язык имеет свой инструментарий и свои способы уточнения подобных связей между коммуникантом и сообщаемой им информацией.

В русском языке эти отношения оформляются лексическими и синтаксическими средствами – вводными словами и частицами косвенной речи, например *говорят, считают, видимо, предположительно, похоже, дескать, якобы, мол* и др.: *Говорят, что на месте происшествия работали кинологи с собаками* (здесь и далее

примеры составлены автором статьи. – М. Х.). Выражение *говорят, что* показывает, что автор высказывания не был свидетелем сообщаемой им ситуации, а знает о ней с чужих слов; описывая событие, которое говорящий наблюдал лично, он использует выражения *я видел, на моих глазах* и т. п. Таким же способом эвиденциальные значения выражаются и в других европейских языках. К примеру, в немецком языке: *Man sagt, das Klavierkonzert war herrlich* (*Говорят, концерт фортепианной музыки был великолепным*), неопределенно-личное предложение *man sagt* указывает на косвенный источник информации; а в предложении *Der Täter hatte Migrationshintergrund, so der Polizeisprecher* (*По словам представителя полиции, преступник был мигрантом*) эвиденциальность проявляется в использовании частицы *so* (*так*), указывающей на конкретный источник информации.

Наряду с лексико-синтаксическими способами выражения эвиденциальности существуют и грамматические. Примерно четверть языков мира, по мнению А. Айхенвальд (Aikhenvald, 2004, S. 1-3), располагает грамматикализованными формами реализации эвиденциальных значений. Во многих языках информация об источнике сведений встроена в форму глагола (Жеребило, 2010, с. 460) в виде различных аффиксов и флексий. К таким языковым системам, помимо болгарского языка, можно отнести финно-угорские, иранские и тюркские языки, в них категория эвиденциальности также выражается с помощью глагольных форм (Козловский, 2018, с. 150). Существует мнение, что грамматикализация эвиденциальных значений – это характерная особенность определенных ареалов, в пределах которых распространены языковые системы. В частности, один из этих ареалов сконцентрирован вокруг Черного и Каспийского морей, включая в себя балканские языки (болгарский, македонский), турецкий, персидский, грузинский и западно-армянский (Ферхеес, 2018, с. 111). Соответственно, не являются исключением и нахско-дагестанские языки, входящие в каспийско-черноморский ареал.

В исследованиях по нахско-дагестанским языкам с самого начала применялись понятия «заглазности» и «очевидности» действий, выражаемых различными глагольными формами (Барахоева, 2016, с. 67). Автор первой грамматики ингушского языка З. К. Мальсагов (1963, с. 48) выделяет эвиденциальные значения в категории прошедшего времени глагола: «прошедшее совершенное» употребляется в рассказе о событиях, если говорящий был их свидетелем или современником (очевидность действия); если событие произошло в более отдаленное время и рассказчик не мог быть его современником и очевидцем, употребляется «прошедшее историческое» (заглазность действия). В другом нахском языке, цова-тушинском (бацбийском), К. Т. Чрелашвили (2007, с. 92-111) представляет всю темпоральную систему глагола как оппозицию очевидных и заглазных форм. Вместе с тем эвиденциальность в нахских языках не рассматривалась на системном уровне, отметим только, что исследователи характеризуют ее как «грамматическую, словоизменительную категорию» (Барахоева, 2016, с. 67).

Конкретизируя систему эвиденциальных значений, В. А. Плунгян различает источники информации по двум признакам:

- 1) был ли у субъекта коммуникации прямой доступ к ситуации («прямая» или «косвенная» информация);
- 2) был ли у субъекта коммуникации личный доступ к источнику информации о ситуации («непосредственная» и «опосредованная» информация).

На основании этих признаков лингвист выделяет следующие типы информации: «...*прямая информация* ('говорящий наблюдал ситуацию'); *косвенная информация* ('говорящий не наблюдал ситуацию'); *непосредственная информация* ('говорящий имел личный доступ к фактам'); *опосредованная информация* ('говорящий не имел личного доступа к фактам')» (Плунгян, 2003, с. 322). Приведенный набор источников и типов информации применим также и при рассмотрении эвиденциальных значений ингушского языка, в котором наряду с широким спектром лексических и синтаксических средств выражения прямой и косвенной информации присутствуют и грамматикализованные средства в виде специализированных форм прошедшего времени глагола (Барахоева, 2016, с. 68). Так, для передачи значения «очевидности» процесса или действия в ингушском языке используется форма прошедшего времени, где показателем прямой информации является суффикс *-ar*: *улл-ар / лежал (у меня на глазах); язд-ар / написал (я очевидец); Тхо, дайда, лечкърар. Цъа зIамига йиIиг йисар, кхераенна, йувлаенна, гош дIалаьца. Цунна тIакхийттар оалказар* (Кодзоев, 2016, с. 389). / *Мы убежали и спрятались. Осталась одна маленькая девочка, она испугалась, свежилась, у нее отнялись ноги. На нее и напала птица* (здесь и далее – перевод автора статьи. – М. Х.). В приведенном тексте автор рассказывает о ситуации, очевидцем которой он был сам. Все основные глаголы (не причастно-деепричастные формы) выражают прямую, непосредственную информацию, поэтому они употреблены в синтетической форме прошедшего времени совершенного вида и имеют аффикс очевидного эвиденциального значения *-ar*: *лечкърар, йисар, тIакхийттар*.

Для выражения заглазных эвиденциальных отношений, то есть для передачи косвенной или опосредованной информации, в ингушском языке используются аналитические глагольные формы. Аналитическая форма – это составная грамматическая словоформа, у которой показатель грамматического значения находится за пределами слова (Жеребило, 2010, с. 31). В ингушском языке аналитические формы образуются причастно-деепричастными словоформами при помощи вспомогательных глаголов *да* (*в, й, б*) / *быть (есть)*; *хила* / *быть, становиться*; *далла* (*в, й, б*) / *находиться, пребывать*; *латта/стоять*; *дала/становиться* (Долакова, 1961, с. 59-64; Барахоева, 2011, с. 25) и служат для выражения аспектных, залоговых, фазовых, модальных и эвиденциальных значений (Барахоева, 2011, с. 57, 66). В рамках данной статьи нас интересуют прежде всего аналитические формы глагола, репрезентирующие категорию эвиденциальности.

Аналитическим путем глаголы ингушского языка могут выражать как непосредственную, так и опосредованную информацию; определяющим фактором служат выбор вспомогательного глагола и его временная форма, придающая соответствующую темпоральность всей глагольной конструкции. Для аналитического оформления прямой эвиденциальности используется причастно-деепричастная форма смыслового глагола

со вспомогательными глаголами *далла*, *латта* и *да* во временной форме перфект (в ингушском языке перфект – это форма прошедшего времени, характеризующаяся семантикой завершенности действия и контактно-сти с моментом речи (Барахоева, 2013, с. 55)). Например: *Со Длакхавчача, са новкхост базар тIа ваха кийчлуш воаллар.* / Когда я пришел, мой друг собирался пойти на рынок. Вспомогательный глагол *воаллар* (*далла* в перфекте) маркирует прямую информацию: ‘я сам наблюдал, как друг собирался’; *Тхо арадоалаш, берага хьожаш йоаллар нана.* / Когда мы выходили, мать возилась с ребенком (‘мы были очевидцами этого процесса’). Такое же эвиденциальное значение можно реализовать, используя аналитические формы с другими вспомогательными глаголами: *Со арахьажача, лоалахо сихвенна водаш латтар.* / Когда я выглянул, мой сосед спешно шел (‘я сам видел’); *Аз ладегIача, цига хоза илли доахаш латтар.* / Когда я прислушалась, там исполнялась красивая песня (‘я сама слышала’); *Пу хьоалчагIе са йиша пандар локхаш яр.* / На этой свадьбе моя сестра играла на гармошке (‘я знаю об этом’); *Оаха болх йистебькхача хана, боад кьовлабелла бар.* / Когда мы завершили работу, уже стемнело (‘мы это видели сами’); *Тхо берацца ловзаш доахкар.* / Мы играли с детьми. Заметим, что вспомогательный глагол *да* – в приведенных примерах его формы прошедшего времени *яр* и *бар* – в составе аналитических форм участвует только в реализации значения очевидности действия. Однако многие лингвисты склонны считать подобные словоформы не аналитическими формами глагола, а предикативными конструкциями, характеризующими категорию состояния. Кроме того, вполне логично, что при использовании в высказываниях в качестве субъекта действия местоимений первого лица – номинативных *со/я* (ед. ч.), *тхо/мы* (мн. ч.) и эргативных *аз / я, мною* (ед. ч.), *оаха / мы, нами* (мн. ч.) – эвиденциальное значение может быть только прямым независимо от вспомогательного глагола и его временной формы.

Для передачи опосредованной информации в ингушском языке, как правило, используются аналитические формы глагола со вспомогательным глаголом в форме плюсквамперфекта (плюсквамперфекту в глагольной системе ингушского языка соответствует предпрошедшее или давнопрошедшее завершенное время (Барахоева, 2011, с. 93)). В выражении косвенной информации преимущественно участвует вспомогательный глагол *хила* (как в перфекте – *хиннад*, так и в плюсквамперфекте – *хиннадар*), однако нередки случаи использования также глаголов *далла* и *латта* в форме плюсквамперфекта. Существует точка зрения, что аналитические формы перфекта ингушского языка со вспомогательным глаголом *хила* выражают «значение опосредованной информации, полученной от второго лица» (Барахоева, 2016, с. 69): *Идриса бе йоаллаш хиннай, тхьовра ИсмаIалийга хинна йеха топ* (Кодзоев, 2016, с. 393). / *Сломанное ружье, которое недавно было у Исмаила, оказывается, находилось в руках у Идриса* (‘кто-то рассказал об этом’); *«Гьяна-м яьннаяц хьо [ча]», – яхаш хиннад укхо дехахь* (Кодзоев, 2016, с. 392). / *«Далеко-то ты [медведь] не ушел», – говорил он про себя* (‘со слов других’). Однако форма аналитического перфекта с участием вспомогательного глагола *хила* встречается и в фольклорных текстах, когда речь идет о более отдаленных событиях (неизвестный или обобщенный источник информации): *ВIаший дезаденна хиннад Iламига саги йоIи* (Мудрые наставления..., 2000, с. 222). / *Полюбили, говорят, юноша и девушка друг друга; Цхьаккха дарах поп баттIлаш хиннабац* (Мудрые наставления..., 2000, с. 325). / *Что бы ни делали, бревно, говорят, не раскалывалось*. Эта же форма, наряду с аналитическим плюсквамперфектом, может иметь значение опосредованной информации, выражающей общепринятые факты, некие фоновые знания третьего лица с позиции говорящего: *Кьоастой Iалихан ваь хиннав, 1934 шера кIимарса бетта 1-ча дийнахьа* (Сердало, 02.07.2024). / *Костоев Алихан* (известно) *родился 1 июля 1934 года; Тоаркхочун Чий яхаш саг хиннав цхьан хана лоам вахаш* (Кодзоев, 2016, с. 386). / (‘как всем известно’) *Жил когда-то в горах человек по имени Чий Таркоевич*.

Аналитический плюсквамперфект со вспомогательным глаголом *хила* (*хиннадар*) выражает информацию, полученную субъектом коммуникации от третьих лиц, последних информировали о событии уже вторые лица (Барахоева, 2016, с. 69): *Хеза хиннадар цунна чаво дакъа хьаджелча мара даац, аьнна* (Мудрые наставления..., 2000, с. 308). / *Он, оказывается, слышал, что медведь ест только протухший труп; Сох ца яшаш ма хиннаярый хьо, бордз...* (Мудрые наставления..., 2000, с. 391). / *Ты, говорят (оказывается), насмеялся надо мной, волк...; Итт шера лаьца ваьлла хиннавар из.* / *Он, как выяснилось (оказывается), десять лет отсидел в тюрьме; Цига яхаш хиннаяр из.* / *Как выяснилось (оказывается), она там не жила*.

Как мы отметили выше, аналитические формы глагола со вспомогательными глаголами *далла* и *латта* в плюсквамперфекте всегда выражают значение косвенной эвиденциальности: *Дешархошца кьамаьл деш яьляяр хьехархо.* / *Учительница, оказывается (как выяснилось), разговаривала с учениками; БIарчча дийнахьа беш оахаш ваьллавар из.* / *Он весь день, оказывается, копал огород; Цхьан кIира догIа делхаш лаьттадар.* / *Всю неделю, оказывается (как выяснилось), шел дождь; Шийга кхайкашехьа а, ер водаш лаьттавар.* / *Несмотря на то, что его звали, он, оказывается (как выяснилось), ушел*.

Таким образом, в ингушском языке, помимо внешних лексических и синтаксических средств для выражения эвиденциальных значений, существуют и грамматические способы реализации категории эвиденциальности. Для этих целей преимущественно используются аналитические формы глагола прошедшего времени, передающие очевидность или заглазность действий. Для выражения очевидности процесса или действия, то есть для реализации эвиденциального признака «прямая информация», наряду с синтетическим перфектом, используется аналитическая форма перфекта со вспомогательными глаголами *да*, *далла*, *латта*. Эвиденциальный признак косвенной информации могут выражать аналитический перфект и плюсквамперфект со вспомогательным глаголом *хила*, а также плюсквамперфект аналитической формы со вспомогательными глаголами *далла* и *латта*.

Проведенный анализ позволил выявить, какие именно аналитические глагольные формы ингушского языка способны реализовать эвиденциальные значения очевидности и заглазности действий и содержать указания на прямые и косвенные источники информации.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

1. В ингушском языке, наряду с лексическими и синтаксическими, существуют грамматические способы выражения эвиденциальных значений.
2. В системе ингушского глагола широко представлены аналитические формы, реализующие эвиденциальные значения очевидности и заглазности действия.
3. Эти значения зависят от выбора вспомогательного глагола и его временной формы, определяющей темпоральность всей аналитической формы глагола.
4. Значение очевидности действия, соответственно прямую (непосредственную) информацию, передает аналитическая форма перфекта со вспомогательными глаголами *да*, *далла*, *латта*.
5. Значение заглазности действия, то есть косвенную (опосредованную) информацию, выражает аналитический плюсквамперфект со вспомогательными глаголами *далла*, *латта* и *хила*, а также аналитическая форма с глаголом *хила* в перфекте.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление, уточнение и систематизацию парадигм всех форм в системе ингушского глагола, реализующих эвиденциальные значения очевидности и заглазности действий аналитическим путем.

Источники | References

1. Барахоева Н. М. Грамматические формы и категории глагола. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011.
2. Барахоева Н. М. К вопросу о средствах выражения типов информации в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61).
3. Барахоева Н. М. Перфект ингушского и немецкого языков // Проблемы исследования и преподавания языков в современных условиях: материалы региональной научно-практической конференции. Махачкала: АЛЕФ, 2013.
4. Долакова Р. И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1961. Т. 2.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.
6. Козловский Д. В. Типы и виды эвиденциальности в языке // Язык и мир изучаемого языка: сборник. Саратов, 2018.
7. Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Изд-е 2-е. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1963.
8. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
9. Ферхеес С. К происхождению эвиденциальности в нахско-дагестанских языках: структурные и ареальные перспективы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. Вып. 57.
10. Чрелашвили К. Т. Цова-тушинский (бацбийский) язык. М.: Наука, 2007.
11. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О. Г. Ревзина. М.: Наука, 1972.
12. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
13. Willett T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality // Studies in Language. 1988. Vol. 12.

Информация об авторах | Author information

Хаджиева Мадинат Магомедовна¹

¹ Ингушский государственный университет, г. Магас

Madinat Magomedovna Khadzиеva¹

¹ Ingush State University, Magas

¹ madina1969@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.07.2024; опубликовано online (published online): 23.08.2024.

Ключевые слова (keywords): ингушский язык; аналитические формы глагола; эвиденциальное значение; Ingush language; analytic verb forms; evidential meaning.